

✓
"Советская культура"
1964, 14 января.

На соискание Ленинской премии

Сальери — Н. Симонов.

НИКОЛАЙ СИМОНОВ

ния для себя. Напротив, по-человечески Симонов необыкновенно скромный и застенчив. Симонов весь в искусстве. И если он не готовит новую роль, то погружается весь в свое второе призвание — живопись.

Огромный творческий успех актера в одной из лучших его ролей — в роли Феди Протасова.

В Протасове Симонов на первое место вышло утверждение нравственного долга, человеческого достоинства, защита попранных прав человека. Два последние роли артиста — Маттиас Клаузен и Сальери дали возможность актеру по-истине, в книжках жизненных обстоятельств, но вновь заговорить со сцены о том, что наиболее дорого ему в искусстве.

Трагедия симоновского Маттиаса Клаузена не в том, что хищная и ханжеская мораль преградила ему дорогу к счастью с любимой девушкой, а в его резком несоответствии миру, с которым бок о бок он прожил всю свою жизнь. Это несоответствие он слишком долго скрывал от себя, а теперь оно обнажилось внезапно и с ужасающей наготой. Все это и составляет скрытый смысл сценных семейного завтрака в доме тайного советника Клаузена.

...Клаузен сидит в пентре д'итино, парадно накрытого стола. Сверкают белозубой накрахмаленные до хруста салфетки. Покойны и надежны старинные тяжелые кресла. И сам Маттиас, одетый безупречно, выглядит прочно и чопорно, как этот семейный стол. Но взаимная вежливость не может скрыть борьбы. Дети Клаузена заняты только тем, как бы изгнать Иккен, мешающую их планам. Сам Клаузен так глубоко ранен своим годичным прозрением, что даже не замечает бегства Иккен. Ему не до нее. Взаблуженный в кресте, он словно притворен к месту пытки. Симоновский Маттиас отказывает не свободу личной жизни, а свободу личности; не право человека, а закон человечности. И последующий бунт симоновского Клаузена — не реакция на подлость детей, не жалтепная гневная буря, а логическая кульминация назревшего протеста, бой с несправедливостью, одиночество с античеловеческими законами жизни.

Клаузен Гаутмана в шутку называет себя Королем Лиром. Клаузен Симонова — скорее Гамлет. Постаревший, но неутомимый ищущий правду. Для него нарушение правды — это разрушение мироздания. Насильственное притеснение одного человека другими — потрясение всех основ. И смерть Клаузена, сыгранная Симоновым с поразительной простотой и трагизмом, — не слава позиций, не уступка, а завершение бунта. Яд для него — последний протест и освобождение.

Симоновского Клаузена, как и его Протасова, убивает враждебный человеку мир. Сальери же сам убийца. Но его человеческая

судьба, какой ее раскрывает Симонов, не менее трагична.

Кто сказал, что Сальери расщеплен и жесток; что если Моцарт — пламя, то Сальери — лед? Кто выдумал, будто пушкинский Сальери — посредственность, которая завидует гению?

Сальери Симонова — некий. Не зависть к Моцарту терзает его, а фанатическая убежденность, будто все, что недостало ему, Сальери, приносит вред человечеству. Неотступный груз навис над Сальери, преследует его, пока не превращается в отчаятельную мысль, что он, именно он, Сальери, избран, чтоб все это исправить. Не злобность, не мелкая мысль рождает эту опасную мысль, а величайшее из всех возможных заблуждений. Но заблуждение искреннее. Заблуждение гения.

Грустный, отяжелевший, почти квадратный от огромного парика и коротких шагов с баятами, Симонов все равно великолепен. С лицом, изрезанным морщинами, как морская скала, с голосом, охрипшим от волнения, он прекрасен силой страдания, глубокой внутренней разлада, мерой ответственности, которую он сам на себя возложил.

Вот он слушает «Реквием». Замечательный, распахнутый на маленьком столике, похожий на гигантскую обесшешную птицу, он кажется раздавленным трагической мощью моцартовской музыки.

Поднося Моцарту чашу с идом, Сальери казится не столько соперника, сколько себя самого. Недаром с таким отчаянием, с такой болью он рвется слова: «Ты выпил... без меня?..»

Здесь впервые за весь спектакль Сальери смотрит на Моцарта с завистью. Как охотно он поменялся бы местом со своей жертвой. Потому что симоновскому Сальери убить труднее, чем быть убитым. Симонов страстно и убежденно кричит, что «гений и злодейство — две вещи несовместные».

Произошло удивительное. Играя «злого» Сальери, Симонов и в нем прорвался к своей теме. И в нем раскрылся трагический невозможность узкого, эгоистического счастья, не связанного со счастьем человечества.

Меньше всего эту тему надо понимать как отвлеченную, абстрактно-гуманистическую. Гуманизм Симонова активен. Это гуманизм борьбы, всегда готовый заплатить собой за идеалы, которым он служит.

Симонов отдает искусство всего себя, без остатка. Особенность его творчества заключена в способности до конца, до самых сокровенных глубин обнажать в роли свое волнение и свою боль. Не падала себя и ничего не утмывая, он спускает драматизм человеческого борьбы, но вместе с тем возвышает духовную мощь человека. Поэтому его искусство не только радует, но и очищает.

Да, Симонов отдает искусству все, чем владеет. И получает взамен высшее, что может получить художник: любовь и признание зрителей. Они завоеваны Симоновым и по праву принадлежат ему.

Р. БЕНЬЯШ.

ЛЕНИНГРАД.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ актер Николай Симонов за исполнение ролей Маттиаса Клаузена в драме Гаутмана «Перед заходом солнца» и Сальери в «Маленьких трагедиях» Пушкина, сыгранных после долгого перерыва в один сезон, выдвинут в число кандидатов на соискание Ленинской премии. В последние время замечательный художник появлялся на сцене изредка, только в одном спектакле «Живой труп», поставленном в Академическом театре драмы имени Пушкина почти полтора десятка лет назад.

Увиден Симонова однажды, запомнилась его навсегда. В нем поражает все: крупная, гордо посаженная голова. Резкая лепка лица. Мужественность. Детская прозрачность глаз. Скупальность каждого жеста. Сила и нерешительность натуры.

Можно ли забыть симоновского Петра? Этого буйного гиганта, огромного, как изваяние, и вместе с тем такого живого? Живого в яростных приступах бешенства, в иступленном гнев, в протодушной веселости, в заразительных раскатах громогласного хохота? Как естественно, органично соединились в нем пафос преобразования и дерзкий азарт, огромная экспрессия и юмор, тягелая, властная хватка и ребячливая доверчивость, царственная надменность и простота. Мощный, неуловимый, неистовый, он был исполним, человеческой громадой и все же оставался во всем человеком.

Симонов всегда выделяется, будто на него одного брошен осветительный луч прожектора.

О нем не скажешь, что его герои не героичны. Почти неаудиторности метит их сразу, четко и безошибочно. Симонов не может спрятать яркую индивидуальность характера под покров будничного. Он не способен отключить своего героя в повседневности, даже если это подказано жанром и обстоятельствами произведения. Он всегда, хотя и непреднамеренно, подчиняет себе весь строй сценической жизни.

Этот естественный дар — способность сосредоточить внимание на себе — не имеет ничего общего с гастролерством, с творческим эгоизмом актеров, которые сознательно, разрушая общую атмосферу спектакля, любой ценой добиваются выигрышного положе-